

Ивао был просто находкой. Не потому, что он мне особенно нравился, а потому, что теперь у меня был ребенок, по которому я мог сверять свой рост. Оказалось, что я оставил ребенка в пыли и привил ему комплекс неполноценности. Я немного сожалел об этом, но, по крайней мере, я знал, что могу превзойти и превзойти ребенка, родившегося в этом мире, чей отец мог позволить себе лучших репетиторов Ивагакуре.

Это может показаться немного несправедливым, если исходить от реинкарнированного тридцатилетнего человека, но я понятия не имел, чего ожидать от здешних детей. Да, здесь были такие дети, как Ивао, с умеренной степенью одаренности, но были и Учиха Итачи, Хатаке Какashi и другие, которые, вероятно, могли превзойти меня во всех отношениях, будь то умственное развитие или нет.

Так что я был рад получить подтверждение. Да и парень был не самой плохой компанией, если судить по всему. Несмотря на свой статус, он не был высокомерным или избалованным, и знал, когда нужно заткнуться.

А еще он умел читать, причем с впечатляющим для его возраста мастерством. Я знал, что мне нужно будет научиться, но это не мешало мне оттягивать время, насколько это было в моих силах.

Язык в Стране стихий, или, по крайней мере, в Ивагакуре, был странным. Все говорили на английском и японском, и хотя английский, называемый общим, был наиболее распространен, бывало, что человек должен был говорить на японском, называемом традиционным. Я понятия не имел о происхождении этой системы, и Хамамото-обасан тоже не знал.

Но если для разговора предпочитался общий язык, то для письма - традиционный. На самом деле я не видел ни одного произведения, написанного на общем языке; ближе всего к этому были вывески в магазинах. Ирония не покидала меня: казалось, что неокOLONиализм и капитализм - это внепространственные силы.

Письменность на японском языке была для меня совершенно чуждой. По сути, существовало три разных алфавита: Хирагана, Катакана и Кандзи. Из своей прежней жизни я знал, что хирагана - это письменный язык, наиболее характерный для Японии, а катакана - фонетический алфавит, который, по сути, является промежуточным звеном между другими языками и японским. Слова из других языков, в которых не было хираганы, писались на катакане. Кандзи - это китайские символы, представляющие собой целые слова, адаптированные для японского языка.

В элементарных государствах хирагана использовалась в основном неформально, например в меню ресторанов быстрого обслуживания, в художественных романах или в сообщениях на досках объявлений. Катакана перемежалась с хираганой, поскольку это был единственный способ написания многих слов. Однако они не были заимствованы из другого языка. Вместо этого они были просто созданы, чтобы представить новые разработки, как будто кому-то в один прекрасный момент пришла в голову светлая мысль создать совершенно новый язык вместо того, чтобы добавить к одному из двух существующих. Я не буду жаловаться, потому что мне, носителю английского языка, было проще всего его выучить.

Между тем, кандзи были более формальными. Имена и титулы обычно писались на кандзи, и я никогда не видел свитков с хираганой или катаканой. Мне было сложнее всего разобраться с ними, так как в каждом кандзи было спрятано множество элементов.

Аканэ-обасан предлагала мне уроки, но они не очень помогли. Она не была опытным учителем и совсем забыла, что такое учить язык. Ивао-кун, который помнил все так, будто это было вчера (так оно и было), точно знал, что полезно, что нет, и делился короткими путями, которые открыл сам или которым его научили знающие наставники.

Все, что требовалось, - это нехитрые манипуляции. Ему так отчаянно хотелось доказать, что он лучше меня в чем-то - в чем угодно, - что он согласился на предложение почти сразу. Помогло то, что в душе он был нежным мальчиком и недостаточно эмоционально развитым, чтобы понять ревность, которая бурлила в его жилах.

Мне было стыдно за то, что я использовал парня, поэтому я постарался вернуть ему деньги за услуги с процентами. Не то чтобы он заметил. Я учил его играм, которые улучшали его гибкость, которую, как я знал, нужно было развивать в раннем возрасте, и прививал привычки, которые улучшали его общую физическую подготовку.

Тем не менее, даже под его руководством обучение чтению и письму заняло постыдно много времени. Возможно, даже дольше, чем это требуется настоящим младенцам. Однако я медленно и верно продвигался вперед, потому что отказывался быть неграмотным.

Однажды, чтобы проверить себя на знание кандзи, я взял с полки Аканэ-обасана один из пыльных свитков. Ни один из них не был помечен, поэтому я не имел ни малейшего представления о его тематике. То, что я обнаружил, было последним, чего я мог ожидать.

Пошаговые диаграммы, каждая из которых иллюстрировала процесс создания гребаной печати.

"Аканэ-обасан", - прохрипел я, и хрипота в моем голосе не имела никакого отношения к моей травме. "Что это?"

"О, это старые свитки, которые оставил здесь мой Ацучи-кун", - беззаботно сказала она, махнув рукой, как будто это ее не касается. "Я не могу понять, что в них написано. Тебе нравятся красивые картинки, Касайки-тян?"

В моем мозгу все еще происходило короткое замыкание. "Да. Красивые картинки", - пробормотала я.

Разве знание о запечатывании не является невероятно редким? И разве Ивагакуре не славится тем, что у них с этим особенно плохо? Как в доме этой случайной женщины оказалась библиотека запечатывания? И кто, черт возьми, такой Хамамото Ацучи?

По крайней мере, это объясняло, почему у нее так много чертовых кистей для каллиграфии.

"Есть ли среди них со словами, Обасан?" спросил я.

"Я сама их не все просмотрела", - призналась она. "Я их вообще не понимаю. Я не должна никому их показывать, но я не скажу Ацучи-куну, если ты этого не сделаешь. Только не забудь вернуть свиток на прежнее место, хорошо? Я уверен, что они организованы особым образом".

Если Аканэ-обасан просмотрела парочку, то на них, скорее всего, не было печатей конфиденциальности или самоуничтожения. Небрежно, но удобно для меня, так что я принялся за работу.

Потребовалось несколько часов, чтобы найти хоть что-то, что не было бы схемой, и я был разочарован, но не удивлен, обнаружив, что не могу понять ни слова из этого. Кандзи были мне незнакомы, и многие из них, скорее всего, не имели английского перевода. Если бы я хотел хотя бы начать разгадывать эту тайну, мне бы понадобился какой-нибудь словарь.

Я активировал дзюцу "глаза щенка" и повернулся к Аканэ-обасану.

--- { □□□□ } ---

Каждый раз, когда Кадзухиро возвращался домой с миссии, его ждал другой ребенок. Во всяком случае, так ему казалось. Касайки росла с непостижимой скоростью, а он уже успел пропустить все ее знаковые события.

Когда он вернулся после двухмесячной миссии телохранителей в Стране травы и обнаружил, что его крестная сестра говорит полными предложениями, у него чуть не случился сердечный приступ.

Она не была его настоящей дочерью, поэтому он не был сильно разочарован, а лишь испытывал нечто вроде гордости и счастья. Поначалу. Но потом он вспомнил, что у Хисаши даже не было возможности присутствовать при первых шагах дочери или услышать, как она наконец произносит слово "ту-чан".

И тогда ему стало грустно. Он скучал по своим родителям, когда их не стало, но Касаки даже не знала своих.